

ИДУТ ГАСТРОЛИ ЧЕРНИГОВСКОГО
МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО
ТЕАТРА

ПОЭЗИЯ ПРОСТЫХ СЕРДЕЦ

Украинское искусство в Магнитогорске любят. Днепетровская, полтавская, а сейчас и гастрوليрующая у нас черниговская труппы не могут пожаловаться на холодность магнитогорских зрителей. В который раз появляются на улицах города афиши с названиями «Цыганка Аза», «Бесталанна», «В воскресенье рано зелье собирала» — и все же эти спектакли неизменно находят обширную аудиторию.

Что привлекает в них зрителей, воспитанных, казалось бы, на совершенно другой театральной культуре, на современных пьесах наших драматургов, герои которых, как правило, люди сложной психологии, интенсивной, пылкой мысли, вроде, скажем, персонажей в пьесе В. Розова «Затейник», которым наш магнитогорский театр закончил минувший зимний сезон. История, рассказанная в этом спектакле, увлекала не внешними событиями, а психологическим столкновением характеров, раздумьями о жизни. Этому соответствовала и манера актерской игры — сдержанной, построенной на паузах, на раскрытии сложного подтекста за обыденными на первый взгляд словами.

Но многие из тех зрителей, которых заинтересовал «Затейник», с неменьшим интересом смотрят сейчас «Цыганку Азу» в исполнении черниговцев.

А ведь и «Цыганка Аза» и другая музыкальная драма из репертуара украинского коллектива — «В воскресенье рано зелье собирала» — это совсем иной, по сравнению с тем же «Затейником» мир образов, иной театр. Начать с того, что эти пьесы до предела насыще-

ны событиями — и какими! От матери тайком уносят только что родившегося сына. Девушка, пытаясь спасти свое счастье, поит возлюбленного «приворотной» травой, не подозревая, что это отравы. А когда он умирает — сходит с ума и в отчаянии бросается в воду. Это — в спектакле «В воскресенье рано зелье собирала» по повести О. Кобылянской.

На таких же исключительных по драматичности коллизиях построена и «Цыганка Аза» М. Старицкого.

Может быть, порой у нас где-то и мелькает мысль: не слишком ли много сумасшествий, отравлений, смертей? И все же несправедливым было бы обвинить авторов этих драм в самодовлеющем пристрастии к мелодраматическим ужасам, в стремлении «разжалобить» зрителя. Ведь при всей необычности ситуаций, романтической приподнятости этих произведений — у них глубоко жизненная основа. За драматичностью судеб — и потерявшей сына Мавры, и бесприданницы Татьянки, и влюбленных Василия и Гали — просматриваются реальные черты дореволюционной украинской деревни с ее делением на зажиточных и бедняков, бесправным положением женщины, с живучестью национальных предрассудков.

Поэтому рано еще сдавать в архив эти старые драмы. В них есть правда народной жизни, показан обаятельный образ народа — украинских крестьян, гуцулов, цыган — простых людей, близких к природе, естественных и бесхитростных в своих переживаниях.

Эти герои не столько мыслящие, сколько чувствующие. И

чтобы убедительно рассказать о них со сцены, нужны особые средства выразительности. Не строгая, сдержанная игра, а яркая эмоциональность, щедрые краски, открытый темперамент, предельная искренность сценического поведения.

Именно это и подкупает в исполнении черниговских артистов. Разумеется, как во всяком творческом коллективе, здесь объединены люди неодинаковых природных дарований, способностей. Но посмотрите хотя бы любую массовую сцену, где участники, главным образом, актерская молодежь. Здесь все живут, каждый исполнитель даже бессловесной роли несет в своем поведении настроение сцены, ее ритм. Просто стоит перед глазами созданный арт. А. Мацуевой образ юной цыганки (спектакль «Цыганка Аза»). Совсем крошечная эпизодическая роль, а сколько задора, озорства, бьющей через край наивной радости в этой таборной девчонке.

Эта способность играть с полной отдачей, как бы заново пережить каждый раз все повороты событий, даже если спектакль исполняется в сотый раз (кстати сказать, спектакли, о которых идет речь, в репертуаре черниговцев уже 6 лет) — отличительная черта украинской актерской школы, опирающейся на традиции национального народного искусства. Прибавим к этому, что актер здесь не только говорящий, но и поющий, танцующий — и в этом тоже проявляется народность, национальная стихия украинского театра. В спектаклях черниговцев песня, танец рождаются как естественное продолжение словесного текста, выражают существо данной сцены. Так, отлично поставленный балетмейстером Д. Соколовским танец в прологе спектакля «В воскресенье рано зелье собирала» пластически выражает те мучения ревности, которые раздирают душу обманутого мужа, вожака табора Раду.

Черниговцы не боятся играть крупно, подчеркнуто — преувеличенно. Более того, это тоже одна из особенностей их актерского стиля, продиктованная особенностями драматургии. В арсенале их выразительных средств (в спектаклях по произведениям классической украинской драматургии) мы не найдем таких естественных для нашего актера приемов, как игра на паузах, полутона, стремление порой что-то и не досказать в расчете, что зритель поймет и додумает. В спектакле «В воскресенье рано зелье собирала» Раду в бешенстве катается по земле, узнав, что жена ему изменила. И мы не упрем ар-

тиста В. Мирошниченко в наигрыше, как не упрем и А. Мацуеву, когда стены театра сотрясает дикий хохот ее Татьянки, убедившейся, что она стала причиной смерти любимого. Любое преувеличение, указывал К. С. Станиславский, законно на сцене, если оно будет внутренне оправдано актером. К тому же все-таки исполнителям, при всей смелости их игры, не изменяет чувство меры, без которого ведь нет искусства.

Однако, есть в спектаклях черниговцев сцены, образы, когда правда нарушается. Вот Роман в «Цыганке Азе». Режиссер Л. Отрюх и арт. В. Шавырин, видимо, задумали решить этот образ как гротесковый, а получилась карикатура.

Обедняет, как нам кажется, себя в ряде сцен способная М. Мельник в роли цыганки Азы. Стремление сыграть Азу ярко, броско оборачивается порой манерностью. Вместо простой таборной цыганки с ее естественными чувствами, горечью неразделенной любви — «роковая обольстительница».

Яркий темперамент, выразительный голос, прекрасные внешние данные дают полное право считать О. Гурского ведущим артистом в коллективе. Но сыгранные им Василий в «Цыганке Азе» и Гриц из драмы О. Кобылянской похожи друг на друга, как близнецы. Та же порывистость, те же широкие жесты, те же интонации в сценах любовных объяснений, словом, собирательный образ молодого любовника. Правда, ни та, ни другая драмы не дают исполнителю достаточного материала для создания очень сложных характеров. И все же это не избавляло актера от поисков каких-то типичных, характерных черт для каждого из своих героев.

Чем способнее коллектив, тем выше должна быть его художническая требовательность к себе, непримиримость к штампам, холодному представлению. У черниговских артистов — незаурядные творческие возможности. И хочется пожелать, чтобы их ясное, сердечное искусство никогда не замутнялось ничем случайным и наносным.

О. КАРПОВА.

На снимке: сцена из спектакля «В воскресенье рано зелье собирала».

Фото А. Тихого.